

18+

Алекс Ст☆р

ХОРОШИЙ
доктор
ДЛЯ ПЛОХОЙ ДЕВОЧКИ

Алекс Стар

Хороший доктор для плохой девочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70426441

SelfPub; 2024

Аннотация

Всю жизнь я была хорошей девочкой: училась, работала на износ, безропотно брала все дежурства. Только для того, чтобы в очередной раз меня обошли повышением. И мне надоело быть хорошей. Я решила стать плохой. Очень плохой. И у меня есть план. Вершинин – врач от Бога, настоящее светило медицины. Он способен сделать невозможное. Все пары города стоят в очереди к нему на приём, чтобы он подарил им наконец-то долгожданного ребёнка. И теперь он сделает это для меня. Я так хочу. И мне нечего терять.

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	21
5	26
6	31
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алекс Стар

Хороший доктор для плохой девочки

1

Все, хватит с меня!

Надоело быть хорошей девочкой!

Всю жизнь что-то из себя строю, работаю, учусь, а кому это в итоге всё надо?!

Моей маме?! Бабушке?! Или, может быть, моей кошке?!
С которой, я по всей видимости, так и состарюсь?!

Тем более, судя по общей тенденции, недолго мне осталось!

– Аделаида Семёновна, опять размышляем о чём-то важном? – прерывает мои размышления властный голос.

Который я ненавижу.

Голос главврача моей клиники репродуктивной медицины, где я тружусь под его началом.

Врача от Бога, как все вокруг постоянно повторяют с придыханием.

Голос Игоря Олеговича Вершинина, врезается в мои мечты острым ножом, лишая меня последней опоры. Моей злости.

Я три года проработала здесь, брала все дежурства, в выходные и праздники, ассистировала, сидела на консультациях и круглосуточно была на связи с нашими дорогими пациентами.

Очень дорогими пациентами.

Которые готовы отдать любые деньги лишь бы завести ребёнка. Неважно какого: первого, второго или десятого.

И абсолютно всё равно, сколько лет так называемым родителям: двадцать или шестьдесят.

Они все приходят к нам, точнее к Вершинину, падают на ноги, умоляют сделать невозможное.

И каждый раз он это делает.

И вот от нас уезжает очередная счастливая семейка с кричащим свёртком на руках. Или даже двумя и тремя.

И я всегда верила, думала, что я работаю во имя высшей цели, чтобы делать людей счастливыми. Дарить им радость и детей.

Смотрела влюблёнными глазами на своего начальника, как на божество, как на оракула, ведь именно к нему все приходят, когда потеряли уже последнюю надежду, когда обошли уже всё и всех, что только можно, и им вдруг посоветовали клинику Вершинина «ПереСвет».

И вот теперь на нашем еженедельном собрании по понедельникам, Вершинин вдруг объявляет при всех, что теперь руководить отделом патологии беременности будет... Нет, не я, как я была уверена!

После стольких лет преданной работы на разрыв! Бессонных ночей!

А Инесса Плошкина!

Эта драная кошка.

А она ведь пришла сюда работать на месяц позже меня!

И вот теперь она довольно улыбается под восторженные и одобрительные возгласы всего нашего коллектива, как лиса, съевшая чужую сметану. Ну конечно, мою сметану она сожрала. Втихаря.

И теперь я даже не сомневаюсь, как, а точнее, каким именно местом она заработала себе это повышения.

И пока я была хорошей девочкой и добивалась всего исключительно своими мозгами и умом, хитромудрая Инесса утащила мой заслуженный кусок пирога. Моё повышение.

Я же вижу, какими глазами смотрит на неё Вершинин. Кто знает, чем они занимаются, заперевшись у него в кабинете? Точнее, теперь я в этом нисколько даже не сомневаюсь. Выбивают очередное повышение.

Только единственного, чего я не могу понять, как такой великолепный врач и руководитель, как Вершинин, всё-таки опустил до того, чтобы гадить там же, где ест. А точнее, заводить шашни на работе. Со своей сотрудницей. И даже

подчинённой.

– Ну так что скажете, Аделаида Семёновна? – всё ещё вопрошает меня мой начальник, пристально глядя на меня своими тёмно-синими невероятными глазами, в которых я тону.

– Простите, вы не могли бы повторить вопрос, я немного задумалась, – бормочу я под его натиском.

И боюсь признаться себе, что на самом деле я безумно просто дико завидую этой Плошкиной.

Потому что это я хотела бы запереться с ним в его кабинете.

Это я бы хотела сорвать с него этот безупречно-белый накрахмаленный халат.

Это я бы хотела взобраться к нему на его стол их красного дерева.

Отшвырнуть ногой в каблуке подставку для карандашей и ручек и подойти прямо к нему.

Встать так, чтобы это он высоко задрал голову и смотрел на меня снизу вверх.

Восхищаясь.

Желая меня.

Изнемогая от ожидания.

Хотела бы встать на колени и притянуть его к себе, эти губы, которые сейчас вытягиваются в недовольную гримасу.

Прикусить их.

Почувствовать вкус крови у себя во рту.

Его вкус на своих губах.

– Я только что спросил у всех, как вы считаете, следует ли нам объединить отделение патологии беременности с наблюдательным. Чтобы сократить расходы. Может быть, сообщите нам своё ценное мнение? Будьте добры, Аделаида Семёновна, снизойдите до нас со своего небосклона.

Ненавижу, когда он так разговаривает со мной. Снисходительно-пренебрежительно. Как будто дорожит моим мнением, а на самом деле издевается.

Тонкая ирония. Которую понимаю только я, или все мои коллеги меня за спиной? Оглядываюсь на наше собрание в белых халатах.

Все молча смотрят. Жду, что я скажу.

А что я могу сказать?! Объединить два функционально-разных отделения только для того, чтобы у этой Плюшкиной было больше полномочий и власти?

И больше рисков для нас?!

– При всём уважении к моей дорогой коллеги, – спокойно произношу я, глядя в серьёзные синие глаза. – Я не могу согласиться на это. Слишком большая нагрузка на одно отделение. Тем более вы планируете совместить серьёзные заболевания с совершенно незначительными. Кто в итоге будет за это нести ответственность? – вопрошаю я своего начальника. – Инесса Плошкина? Не думаю, Игорь Олегович, – встаю я со своего места, и мои глаза оказываются как раз напротив его шеи.

Чёрт, мне приходится задирать голову.

Как маленькой девочки перед учителем.

Это нехорошо.

Унизительно.

Но я всё-таки заканчиваю свою речь:

– Ответственность будете всегда и за всё нести вы, как главный врач клиники. Поэтому вы должны спрашивать не меня, а прежде всего, себя, готовы ли вы её взять.

И я выхожу из комнаты.

Мне надо отдышаться.

Чтобы пережить это унижение.

Может быть, мне стоит уволиться? – мелькает у меня шальная мысль.

Или уйти к конкурентами?

Но нет, это не вариант... Мне надо подумать...

2

Захожу в палату к своей любимой пациентке Ире. Я ведь веду её почти всю беременность, и прекрасно помню, как к нам в клинику примерно год назад пришла совершенно замотанная несчастная женщина.

Я помню, что меня испугало её лицо, не лицо, а какой-то измятый платок, и чёрные провалы вместо глаз. Лицо женщины, утратившей всякую надежду...

И всё у неё было в порядке: отличный бизнес, который приносил ей огромный доход, квартира в центре города и огромная вилла на море, шикарное авто с собственным шофёром и дорогушие шмотки, но жизнь её была пуста.

И да, у неё был молодой сногшибательный любовник, который делал для неё всё. Кроме одного.

Потому что это ей не смог дать ни один мужчина.

Кроме моего босса.

– Сколько себя помню, я всегда хотела быть мамой, – сказала она тогда, грустно улыбаясь и теребя тонкими нервными пальцами свою итальянскую кожаную сумочку. – А вот, по иронии судьбы стала самой настоящей бизнесвумен, – посмотрела она своими чёрными глазами-колодцами на Вершинина, и я помню, как он тогда ей тепло улыбнулся.

Как он умеет улыбаться только нашим пациентам. Но ни-

когда мне – его сотруднице, проработавшей с ним бок о бок много лет.

О меня он может только требовать, давать указания и делать выговоры. Ненавижу его.

Сейчас я это отчётливо понимаю.

Слишком много я ему всегда позволяла.

И вот в тот день мой начальник подарил очередной своей пациентке надежду. А потом и то, чего она желала больше всего в жизни, и теперь она лежит в своей белоснежной палате с книжкой, уже на девятом месяце и задумчиво смотрит в окно. Где тихо опадает золотым дождём летний день.

– Ну как вы сегодня, Ирочка? – ласково спрашиваю я её и сажусь рядом на больничную койку. Мы с ней так успели подружиться за всё это время, что стали почти близкими подругами.

– Всё хорошо, я чувствую, как они пинаются, – говорит он с тем блаженным выражением лица, которое бывает только у счастливо беременных женщин.

Которых я постоянно встречаю в нашей клинике.

Клинике счастливых женщин, где есть только одна несчастная.

И это женщина я.

– Смотрите, Аделаида, – кладёт она мне мою ладонь на купол своего живота, и я чувствую под кожей, как две рыбки плавают в своём тёплом аквариуме.

Две девочки.

Как целых два чуда, когда человек не надеялся даже и на одно...

И мне становится завидно.

Я помогаю стольким женщинам, вместе с ними провожу всю беременность, слышу первые крики их малышей, а сама живу сплошным пустоцветом.

Который даже особо то и не ценит начальство... И правильно: за что меня ценить, если я и сама себя не ценю?

Безотказно берусь за всё, принимаю роды, пишу бесконечные отчёты во все страховые компании, практически выполняю всю работу заместителя главврача, но почему-то должность достаётся какой-то Плошкиной с надутыми силиконом губами...

Не удивлюсь, что и над вечно её торчащей призывно грудью тоже поработал какой-нибудь наш коллега-пластический хирург.

– Вы будете со мной? – с тревогой спрашивает меня Ира. – Когда придёт время рожать? Осталось всего две недели.

– Всё будет хорошо, не беспокойтесь, – улыбаюсь я ей. – Я буду с вами, не переживайте.

Проверяю сердцебиение малышей: всё в порядке. Два маленьких сердечка стучат как два молоточка, и выхожу из палаты.

Конечно же, меня давно переманивает к себе новая мод-

ная клиника шведской медицины. Но на кого я оставлю Ирочку? И Лену? И еще других свих девочек? Им ведь скоро рожать...

С другой стороны, я могу довести их до конца и наконец-то подумать о себе!

Всё ещё мнусь в нерешительности, но всё-таки беру себя в руки и иду в кабинет Вершинина.

Мне надо с ним поговорить.

С глазу на глаз.

Без всех этих любопытных ушей, которым только дай разнести все сплетни потом по всей клинике.

Чтобы не говорила, а врачи – самый болтливый народ.

Циничный и болтливый.

Стучусь и сразу же распахиваю дверь, не дожидаясь разрешения, в конце концов, мы же в больнице, и к чему мне соблюдать все эти офисные церемонии: может быть, у меня пациентка на столе умирает!

И тут же жалею, что не дождалась ответа, потому что буквально натыкаюсь на оттопыренный призывный зад Плошкиной, которая склонилась над какими-то бумагами и что-то любовно шепчет Вершинину.

И я даже могу отчётливо разглядеть, как её пышная грудь вываливается двумя булочками из её чересчур низкого для медицинского работника выреза.

Ещё секунда, и она буквально воткнёт свои остро торча-

щие соски в лицо нашего главврача.

Как будто он не насмотрелся этого всего на приёмах!

– Простите, не помешала? – холодно, стараясь не показывать своё возмущение, интересуюсь я.

– Вообще-то – да, – начинает брнчать своим слащавым голосом Инесса, и я даже не смотрю в её сторону.

Меня не интересуют гипертрофированные женские железы. Пусть любят всякие извращенцы.

Например, мой главврач.

– Ещё пару минут. Что вы хотели, Аделаида Семёновна? – смотрит он на меня, и его тёмно-синие глаза снова лишают меня воли.

– Я подожду, – многозначительно смотрю я на его протезе, давая понять, что ничего не скажу, пока она не покинет кабинет.

– Что вы хотели обсудить? – откидывается Вершинин на спинку кресла, и я смотрю в окно мимо него, чтобы не рассматривать его лицо. Эти губы. Это прямой, с небольшой горбинкой нос...

Всё, что когда меня в нём так привлекало. А теперь раздражает до зубовного скрежета.

– Я увольняюсь, – холодно бросаю я ему в лицо.

И смотрю на его реакцию.

– Уверена, клиника прекрасно справится и без меня, – продолжаю я. – Тем более с такими ценными кадрами, –

пренебрежительно бросаю я взгляд через плечо, намекая на только что скрывшуюся за дверью Плошкину.

Нового заведующего отделения патологий.

И слышу твёрдое и громкое:

– Нет.

3

– Что?! – не верю я свои ушам. – Что значит «нет»?! – смотрю я на своего босса Игоря Олеговича.

– Аделаида Семёновна, вы свой трудовой договор вообще открывали? – спокойно отвечает он мне.

– Ну так, просматривала, – пожимаю плечами я.

Я же всё-таки врач, а не юрист.

– А что там такого особенного? – решаю уточнить я, усаживаясь поглубже в кресло.

И готовая уже морально к неприятным новостям.

Вечно со мной что-то не то случается!

– А вот там как раз очень подробно описано, что поскольку вы имеете дело с уникальными авторскими технологиями и научными разработками, то, во-первых, вы подписывали контракт о неразглашения, а во-вторых, вы можете уволиться, предварительно уведомив меня не позднее чем за шесть месяцев.

– Это целые полгода?! Да что это за условия такие?! – как будто в первый раз слышу я это всё.

Хотя припоминаю, что когда я поступала на работу к Вершинину, то что-то такое мне объясняли в отделе кадров, но я была такая окрылённая мечтой работать со светилом науки, что пропустила все эти юридические тонкости мимо ушей.

Точнее, я даже и подумать не могла, что мне вообще когда-то захочется уволиться. Уйти от него.

– Это стандартные условия для подобных учреждений, – растягивает губы он в своей обычной деловой улыбке.

И его тёмно-синие глаза мне сейчас кажутся практически чёрными. Бездонными.

– Мы должны быть уверены, что они не перейдут к нашим конкурентам, и поэтому полгода – это как раз достаточный срок, чтобы разработать новые протоколы лечения.

– Так я же эти протоколы вместе с вами и разрабатывала, – бормочу я.

– Вот именно, – холодно отрезает Вершинин. – Где гарантии, что где-нибудь через пару месяцев они не всплывут в какой-нибудь клинике швейцарской медицины, – внимательно изучает он меня.

Откуда он вообще может знать, что меня давно туда зазывают на работу?! Тем более я им не давала согласия, и она первые вышли на меня!

– И кроме того, – вдруг очень холодно и жёстко смотрит он на меня.

Встаёт со своего места и медленно подходит ко мне, словно решаясь на что-то.

И плюхает у меня перед носом пачку бумаг.

– Аделаида Семёновна, посмотрите, это ваша подпись? – указывает он своим тонким ухоженным пальцем на синюю закорючку.

У меня всё расплывается перед глазами.

– Подпись моя, – еле выдавливаю я из себя. – А бумаги – нет.

– И как же такое может быть, а? – покачивается он надо мной всем своим высоким подтянутым телом.

И ледяной холод окатывает меня с головой.

– Как ваша подпись вообще могла оказаться на акте закупок дополнительных препаратов для эпидуральной анестезии? – слышу я голос где-то надо мной, а у самой перед глазами расплываются строчки со словами *фентанил, морфин, клофелин...*

– Я не знаю... – поднимаю я глаза на главврача. – Но я же всегда ставлю свою подпись в закупках лекарств, но здесь, без согласования с вами, такие сильные препараты, я просто не могла...

– Вот именно, не могли, – усаживается он напротив.

Совсем рядом.

Но теперь его близость не вызывает во мне обычный трепет.

Моя голова раскалывается.

Здесь должна быть какая-то ошибка...

Кладёт руку на мою ладонь, и я поднимаю глаза на Вершинина.

– Теперь вы понимаете, что при всём моём желании я не смог бы вас назначить заведующей отделением, – смотрит он на меня.

Изучает.

Не верит больше мне.

– Но я не смогла бы так поступить с вами! – чуть ли не со слезами в голосе восклицаю я. – Разве вы мне не верите?!

– Мне очень хотелось бы верить вам, Аделаида Семёновна, – с нажимом произносит он. – Но откуда тогда ваше внезапное желание уволиться? Именно сегодня? – сверлит он меня взглядом.

«Да потому что я отдала тебе лучшие годы своей жизни и карьеры!» – хочется крикнуть мне в его лицо, но я лишь сдержанно отвечаю:

– Потому что я думаю, что в наших профессиональных отношениях пора поставить точку. Мы больше ничего не сможем дать друг другу. Пора двигаться дальше, – спокойно отвечаю я, хотя внутри всё переворачивается от этих слов.

Такие слова обычно говорят любовнику при расставании, а не своему начальнику!

– К тому же, – вдруг решаюсь я выложить ему все карты на стол: – Я не просто так выбрала своей специализацией гинекологию. Я не просто так пришла работать к вам в клинику.

– И почему же? – поднимает удивлённо одну бровь Вершинин.

Знак крайней заинтересованности! Я так хорошо уже изучила его за эти годы.

– Да потому что у меня проблемы! – выпаливаю я.

Всё то, что копила в себе все эти годы. Всю свою жизнь.

Сапожник без сапог.

– Да потому что я не могу иметь детей, – понижаю я голос до шёпота, словно это что-то такое постыдное, в чём никому нельзя признаваться.

Хотя так оно и есть.

Ведь предназначение женщины – это дарить жизнь!

И я помогла это сделать тысячам женщин.

Но только не себе.

И моё сердце разрывается от тоски и боли.

– Я пришла к вам в клинику, потому что я очень-очень сильно надеялась когда-нибудь забеременеть, – выдавливаю я из себя сухие слова. – Но со временем потеряла надежду окончательно, понимаете? – смотрю я на своего босса.

Которого когда-то считала всесильным.

Но больше так не считаю.

И почему бы мне не заняться карьерой, если вокруг все только ей и занимаются?

– Ну хорошо, – вдруг медленно тянет Игорь Олегович, и я с удивлением смотрю на него.

Он согласился меня отпустить? Просто так? Вот так легко?!

– Я помогу вам. Я сделаю вам ребёнка.

– Сделаете мне ребёнка? – переспрашиваю я.

Как-то это странно звучит...

– Ну да, вы же сами только что сказали, Аделаида Семёновна, что у вас проблемы с зачатием, и именно поэтому вы и пришли в профессию. Чтобы осуществить свою мечту, разве не так? – удивлённо смотрит на меня Игорь Олегович.

– Да, конечно, я именно это и имела в виду, – сглатываю я. – Но вы так уверенно мне обещаете то, чего я не смогла добиться за все эти годы.

– Ну, возможно, вы плохо старались, – берёт он листок бумаги и начинает что-то на нём записывать.

– Что вы имеете в виду?! – уже в возмущении переспрашиваю я. – Что значит «плохо старалась»?! Звучит как-то двусмысленно!

– Я имею в виду, перепробовали ли вы все методы консервативного лечения? И все традиционные способы? – совершенно серьёзно смотрит мне в глаза Вершинин.

Он не шутит.

– Вы же прекрасно помните, как азбучные истины, что диагноз бесплодие ставится после того, как беременность не наступает в течение года регулярной и активной половой жизни! – напоминает он мне то, что я и так постоянно твер-

жу своим пациенткам. – А женщинам после тридцати пяти – после безуспешных попыток в течении полугода. Но это не наш случай, – мельком взглянув на меня, пока я сижу и заливаюсь краской, продолжает мой главврач. – Вот я вас и спрашиваю, у вас была регулярная активная половая жизнь в течении хотя бы последнего года? – сверлит он меня своим взглядом.

И я, медик с высшим образованием и стажем, сижу, и не знаю, что ему ответить!

Потому что половая жизнь у меня, конечно, была, но совсем неактивная и нерегулярная. А откуда ей быть активной и регулярной, если я всё время провожу на работе!

С ним, между прочим!

И секс у меня бывает исключительно моего мозга, когда его имеют все подряд своими проблемами! Медперсонал, пациенты, страховая и фармацевты, и вот он, в том числе!

– Можно сказать, что регулярно, – неуверенно мямлю я в ответ.

– Аделаида Семёновна, что значит «можно сказать»?! – уже чуть ли не сердито, но сдерживая себя, переспрашивает меня Вершинин. – Секс либо есть, либо нет. Ну так как? – вжимает он меня своим взглядом ещё глубже в кресло. – Есть или нет?

– Нет... То есть, я хотела сказать, есть! – не знаю, чтобы ему соврать.

Потому что признаваться, что за последние полгода у ме-

ня точно и совершенно категорически не было никаких контактов, мне совсем не хочется!

Но и рассказывать про свои попытки завести ребёнка с предыдущим своим молодым человеком, с которым я встречалась в прошлом году, я тоже как-то не тороплюсь.

Уф, даже не представляла, как тяжело отвечать на такие вопросы! Точнее, тяжело отвечать своему непосредственному руководителю, потому что это больше мне напоминает теперь какой—то фашистский допрос. В гестапо.

Я чувствую, как мой лоб покрывается испариной.

Особенно когда перед тобой не обычная замотанная жизнью женщина-гинеколог из районной поликлиники, а сексуальный мужчина-твой-босс, от которого буквально писает в трусики вся женская часть нашей клиники и все наши пациентки в придачу!

– Отлично, это мы выяснили, – продолжает что-то записывать на листочке Игорь Олегович. – Секс у нас есть... Точнее, у вас, – немного смутившись, поправляет он сам себя. И как часто? – снова поднимает он на меня свои глубокие глаза цвета горного озера.

– Что? Как часто? – начинаю нервно моргать я.

Так, надо вспомнить, как же часто я сама советую заниматься сексом своим пациенткам... И не могу... В голову словно песок насыпали. Точнее, солому.

Я прямо как Страшила из «Изумрудного города», смотрю своим незамутнённым мысленным взглядом на своего строгого

начальника, пока у меня из головы сыпятся опилки. Или это из «Винни-Пуха»?

Я чувствую, как у меня учащается дыхание и потеют ладони.

Дожили.

Классическая паническая атака налицо.

– Да, насколько часто вы занимаетесь сексом? С целью забеременеть, – добавляет мой босс.

И тут я, сама не зная, почему, вдруг выпаливаю:

– Ежедневно! Каждый день. Утром и вечером, – зачем-то поясняю я.

И гордо выпрямляю плечи и спину. И с вызовом смотрю на своего главврача.

Пусть не думает, что у меня не бывает секса!

Очень даже бывает!

– Ну что же, это хорошо, – опускает глаза в свою бумажку Вершинин, и начинает что-то яростно писать на ней. – Хотя так часто и не требуется, – бормочет он, всё ещё не поднимая от своих писуллек глаз.

– Да, я знаю, – гордо отвечаю я. – Но я, к сожалению, не могу... – думаю, как же лучше-то это объяснить... – сдерживать порывы, – наконец-то подбираю я выражение, – своего партнёра, – наконец-то заканчиваю я фразу.

– Ну что же, для начала вот, – протягивает мне Вершинин бумажку, и я с недоумением взираю на неё:

– Что это?

– Здесь я выписал витамины, препараты, ничего особенного. Рекомендации по... – прокашливается он, – ведению половой жизни...

– Раз в три дня? – читаю я.

– Ну конечно, и вы прекрасно это и сами знаете, Аделаида Семёновна. Давайте для начала попробуем снизить, так сказать, интенсивность ваших сексуальных контактов, – не глядя в глаза, произносит он. – До одного-двух раз в неделю, – смотрит куда-то мне за спину. – Чтобы повысить качество спермы. Договорились? – мягко улыбается он мне, но я вижу стальной блеск в его глазах.

– Договорились, я постараюсь, —растягиваю свои губы в довольной улыбке. – Но не уверена, что у нас это сразу же получится. С моим партнёром. С первого же раза, – встаю я со своего кресла.

– Ну что же. И жду вас на приём, – снова смотрит на меня в упор Вершинин.

– На приём?! – переспрашиваю я.

– Ну а как же мне вас обследовать, – разводит он руками. Действительно: а как же ещё?

– Желательно на седьмой день цикла, – добавляет он. – Я здесь каждый день, так что найду время для вас. И не забывайте пить витамины.

Выхожу из кабинета главврача ещё в большем смятении, чем заходила. Вот я нагородила! Как теперь выкручиваться?!

И уволиться не могу: полгода надо отработать, и документы какие-то нечистые на мне висят...

Откуда они вообще взялись?! Хотя, понятно, иногда на срочные роды бежишь, подмахиваешь, не глядя, что под нос суют... Но кто это мог сделать? Кто ещё имеет право закупать медикаменты?!

Таких людей у нас всего несколько на всю клинику. Но решающие подписи две: моя и Вершинина.

Разберусь с этим попозже.

Но в одном я точно не соврала: я на самом деле очень-очень хочу ребёнка... И я на самом деле не могу иметь детей...

Что я вообще натворила в восемнадцать лет?! Я была такая дура!

И вот теперь, спустя десять лет, я расхлёбываю последствия той самой страшной роковой ошибки...

Но ведь не одна я виновата была в этом... Где он сейчас, тот самый Андрей, который это сделал со мной?! Наверняка уже счастливо женился и воспитывает троих ребятшек, а я вот теперь живу одна, с кошкой и работой!

С которой даже не могу уволиться.

А теперь мне надо идти на приём к моему же боссу на седьмой день цикла... И когда же это?! Уже через неделю!

Мне же придётся ложиться перед ним в кресло. Как это вообще возможно?!

Так стоп, Аделаида, Ты же медик! Что здесь такого экстраординарного?! Ты что, отличаешься от шести миллиардов других женщин на Земле?!

Стелешь пелёнку и ложишься на кресло! Ноги – на железные подставки! Что тут такого?! Кресла у нас в клинике удобные, импортные.

Сама их, между прочим, заказывала и закупала.

Это всё понятно, но мой разум отказывается соглашаться с мыслью, что в этом кресле я буду лежать перед Вершининым... И он будет рассматривать меня там, между ног...

Вставлять расширитель...

Брать мазки.. А если понадобится УЗИ, то будет вставлять мне прямо во влагалище манипулу... Которая, конечно же, по форме практически идентична мужскому пенису...

От одной только этой мысли меня бросает в жар.

И даже сейчас у меня такое чувство, что мне между ног уже вставили эту самую чёртову манипулу!

Погруженная в свои мысли, иду по коридору в сторону нашей столовой, как вдруг врезаюсь во что-то твёрдое. Но мягкое. Надёжное. Пахнет антисептиком и крепким мужским бальзамом с нотками кедра.

Поднимаю глаза и улыбаюсь:

– Совсем заработалась?! Опять мир спасаешь? От бесплодия? – обхватывает меня за плечи мой коллега и хороший друг Руслан Морозов.

– Привет, Рус! Да ты же знаешь, как у нас вечно так много работы, – и я благодарна за его дружескую поддержку. – То экстренные роды, то кесарево: ни минутки покоя, – смеюсь я.

– Ну так я тебе подарю минутку покоя, – уже увлекает меня за собой Руслан, наш штатный анестезиолог, с которым мы повели не одну успешную операцию. Вообще не представляю, чтобы я без него делала в нашем сплошном женском гадючьем коллективе.

А так у меня есть хоть отдушина!

– Пойдём, перекусим, я угощаю, – сжимает он моё плечо, и тепло разливается по моему телу.

– Ну хорошо, так и быть, – смотрю я на часы. – Надеюсь, да эти полчаса никто не соберётся срочно рожать, – и иду за своим другом в столовую, где мы усаживаемся за дальний столик, чтобы посплетничать, совсем как две подружки.

– Ну что, как тебе новое повышение? – как бы невзначай закидываю я пробный камень в воду. Чтобы проверить реакцию Руслана.

– Мне так жаль, детка, – кладёт свою ладонь поверх моей Руслан и с теплотой смотрит мне в глаза, и у меня предательски начинает щипать в носу.

Потому что только сейчас я понимаю, как мне обидно. Как маленькой девочке, которой пообещали красивую игрушку за хорошие отметки и поведение, и она училась на отлично и очень хорошо себя вела, но кукла досталось другой!

И хотя мне уже двадцать семь, моя маленькая внутренняя девочка никуда не делась! Кто вообще решил, что дети в нас с возрастом обязательно куда-то исчезают?! Нет, они так и продолжают жить в тёмных чуланах нашей души, куда мы их постоянно запираем, и только вечно им выговариваем: «Не ной! Не бойся! Не проси»!

А внешне строим из себя железобетонных взрослых, пока глубоко внутри нас рыдают маленькие обиженные детки.

Вот и сейчас я беру всю свою волю в кулак, и как можно более равнодушным тоном отвечаю своему приятелю:

– Ничего особенного. Ты же сам понимаешь, сколько там нервов. Пусть Плошкина впахивает, если ей так хочется. А мне пора подумать о себе.

– Молодец! Так держать! – одобрительно восклицает Руслан, отпивая свой кофе. – Конечно, надо подумать о себе. Кстати, ты идёшь на День медика?

– День медика? Какой День медика? – не сразу вспоминаю я.

Я ведь как обычно заработалась, и у меня совершенно вылетело из головы, что у нас планируется ежегодный бал врачей, который будет проходить в «Фестиваль-отеле»!

– Ну сколько можно пропускать это мероприятие? – мяг-

ко журит меня Руслан, поглаживая мою руку своей тёплой ладонью. – В конце концов, надо же иногда и отдыхать? По-ехали, Ада? – смотрит он на меня своими преданными щелячьиими глазами, и я не могу ему сопротивляться:

– Ну хорошо, я подумаю. А когда он вообще будет-то?

– Совсем заработалась, крошка? – смеётся Рус. – Третье воскресенье июня.

– Так осталась всего неделя! – доходит до меня. – Сегодня понедельник, значит...

– Значит уже в эту субботу я заезжаю за тобой с утра пораньше, чтобы отвезти тебя в «Фестиваль-отель», – подытоживает Рус. – Договорились?

– Да, договорились, – киваю я.

Договориться договорились, но мне совершенно нечего надеть!

6

– Арбатова, срочно в приёмное отделение! – прибегает за мной Ниночка, наша дежурная медсестра.

– Что случилось? Кто-то рожает?! – сразу начинаю перебирать я в уме все возможные варианты.

Неужели у Ирочки начались схватки?! Так рано?! Хоть бы не это!

– Да нет, никто не рожает, там просто такой... Пациент, – рапортует запыхавшаяся Нина.

– Успокойся, всё нормально, – даю я время ей отдышаться. – Может быть ты имела в виду «пациентка», – подсказываю я ей.

– Да нет же! Пациент! Я же сказала! Игорь Олегович срочно просил вас прийти. Он без вас не справляется!

Ах, ну да, конечно! Я ведь совсем забыла, что все сложные пациенты – это мой конёк.

А я им как бесплатная психологическая помощь в пакете. Два в одном.

И психа ненормального успокою, и недовольного формой носа ребёнка отца утешу, и вот, с каким-то очередным ненормальным, по всей видимости, без меня никак.

Ну понятно, зачем я так нужна своему дорогому доктору. Самому лучшему.

– А пусть Плошкину позовут, – злорадно отзываюсь я. – Она ведь у нас заведением, вот пусть и работает со сложными пациентами.

– Да вы не понимаете, Аделаида Семёновна, все уже там. И Плошкина, и Вершинин. Только вас вот дожидаются.

– Да что это за консилиум такой?! – становится уже самой интересно мне, и я спешу по коридору в приёмное, где обычно мы встречаем наших важных клиентов.

И когда я захожу в наш роскошный, отделанный по последней медицинской моде, кабинет, то у меня у самой чуть глаза на лоб не лезут, потому что в золотом парчовом кресле сидит, развалившись, сам Архип Бырбыров – звезда отечественной эстрады. Золотой голос России.

Над ним стоят, склонившись чуть ли не в почтительном реверансе, наша накачанная Плошкина и строгий элегантный Вершинин, а Бырбыров, сияя всей своей ослепительной мужской красотой и красноречием, вещает на всю комнату, и даже у меня начинает всё внутри вибрировать от его грудного волшебного голоса:

– Послушайте, я пришёл в вашу клинику, потому что мне вас рекомендовали! Очень хорошо рекомендовали! Птичкиным сделали двойню? Сделали, – начинает загибать он пальцы на своей ухоженной красивой руке. – Каскову сделали дочку? Сделали, – удовлетворённо продолжает Архип. – Даже Аните сделали! А ей, между прочим, уже пятьдесят пять, – с победным видом заключает он. – Вот, юби-

лей недавно в Кремлёвском дворце отмечали. Так позвольте узнать, чем же я так сильно вам не угодил? Что, рожей не вышел? – капризно кривит он свой восхитительный божественный рот.

Как будто не знает, что всем он вышел. Всем хорош. И даже сейчас у меня перехватывает дыхание от его неземной красоты. Такой манящей. Притягательной. Мужской и порочной.

Так и хочется упасть в его объятия и ещё раз послушать его хит, который он поёт только для меня: *«Ты моя богиня, кошка, будь всегда моею, крошка...»*

– Ну так что скажете, а? – прерывает мои влажные сладкие мечты голос Вершинина.

– Простите, я не расслышала, – мгновенно заливаюсь я краской до самых корней волос.

Как непрофессионально. Надеюсь, никто не заметил, как я утонула в своих мечтах.

– Архип Бырбыров спросил вас, Аделаида Семёновна, почему мы не можем сделать ему ребёнка, – смотрит на меня в упор мой главврач.

Видимо, ожидает от меня разумного ответа. И я, конечно же, беру инициативу в свои руки:

– Конечно же можем, Архип, не переживайте! – лучезарно улыбаюсь я и присаживаюсь рядом с ним на диванчик.

И до меня доносится аромат полыни и лаванды, который исходит от моего кумира.

– Кто вам сказал, что у вас не будет детей?! – кладу я свою руку на его ладонь. Пытаюсь успокоить его, как обиженного ребёнка.

Первое правило психологии: разговаривай с пациентом на его уровне. А сейчас уровень Архипа – это как раз тот самый обиженный мальчик.

– Они, – капризно тычет своим пальчиком в сторону врачей Бырбыров, и поворачивается ко мне. – Ну вот скажите, за что они так со мной?! Чем я хуже Каскова?!

– Ну конечно ничем, а даже намного-намного лучше, – придвигаюсь я ещё на пару сантиметров ближе к обиженной поп-звезде. – Почему вы так решили? – оборачиваюсь я к своим коллегам, словно хочу сказать им: зачем вы обидели маленького мальчика!

– Потому что у меня, видите ли, нет жены, партнёрши, девушки, – с раздражением выкрикивает Архип. – Вы себе такое представляете?! – и я осторожно отвечаю:

– Так. Я поняла. Вы хотите ребёнка, но у вас нет женщины, которая бы его вам родила, правильно?!

– Вот именно! Какое-то ущемление прав одиноких мужчин! – восклицает Бырбыров и хватает меня за запястья. – Но я вижу, что вы единственный адекватный здесь специалист. Скажите, что вы мне сможете помочь! – умоляюще смотрит она мне в глаза.

Прямо в душу.

И я не могу сказать ему «нет». Особенно когда самый пре-

красный и желанный мужчина нашей эстрады сидит в трёх сантиметрах от меня и умоляет о помощи.

– Ну конечно, – сглатываю я. – Мы обязательно вам поможем. Поищем в нашей картотеке женщин, которые готовы выносить вашего ребёнка, такая услуга у нас есть... – начинаю соображать я, как лучше это всё организовать.

– Зачем мне ваша картотека. Вы меня не поняли, – перебивает меня Бырбыров. – Вот вы, вы, – ещё раз повторяет он, когда я с недоверием смотрю на него. – Вы конкретно сможете родить мне ребёнка? Вы врач, вы красивы, – начинает перечислять он, и я вспыхиваю от его слов. Сам Бырбыров считает меня красивой!

А ведь он просто купается в красотках ежедневно!

– Вот вы и сделайте мне ребёнка, – торжествующе заключает он, и я в недоумении смотрю на своих коллег, которые стоят с разинутыми ртами.

Особенно Вершинин, с тайным удовлетворением отмечаю я про себя.

Сегодня был просто какой-то сумасшедший день: если не знать, то можно подумать, что я работаю в дурдоме, а вовсе не в одном из лучших перинатальных центров города, а то и страны.

Слава Богу, что хотя бы никто не начал экстренно рожать!

Я выхожу из ворот нашей клиники, размышляя над предложением своего главврача. Он, конечно же, доктор от Бога, но он, к сожалению, не волшебник. А просто смертный.

И если мне уже поставили этот страшный диагноз несколько лет назад, то не думаю, что спустя какое-то время всё прошло. Как показывает мой врачебный опыт, проблемы, если их не лечить, только усугубляются.

Правда, многие проблемы от головы, и я вспоминаю сегодняшний визит эксцентричного Архипа Бырбыров.

Я бы ни за что не поверила, если бы ещё вчера мне кто-нибудь рассказал, что секс-символ предложит мне не только переспать с ним, но ещё и сделать ему ребёнка! Хотя, задумываясь я, провести ночь со своим кумиром я бы, скорее всего, не отказалась...

Но он ждёт от меня большего. Чего я не смогу ему дать. Чего вообще никому не могу дать...

Я бреду по тёмной аллее, как вдруг передо мной резко тормозит чёрная тонированная машина, и я останавливаюсь, как вкопанная. Что мне делать? Бежать?! Но это будет выглядеть как-то странно, мало ли зачем она затормозила... А из неё уже выходит огромный, как шкаф, мордоворот, и взяв меня за локоток, словно зажав в стальные тиски, осторожно, но очень настойчиво ведёт к автомобилю.

– Куда вы меня ведёте?! Отпустите!

– Успокойтесь, Аделаида Семёновна, – тихим басом отвечает мне мордоворот. – Всё в порядке, не бойтесь. Вас никто не тронет, просто кое-кто желает поговорить с вами лично, – и аккуратно, даже не дав мне опомниться, запикивает меня в машину.

Дверца захлопывается, и я не сразу вижу, кто сидит рядом, но зато узнаю этот чарующий, ни с кем не сравнимый голос:

– Аделаида Семёновна, простите, что пришлось вас вот так вот приглашать к разговору. Но я в отчаянии. Вы – моя последняя надежда, – и пленительные глаза Архипа с мольбой смотрят на меня. – Поехали, – командует он, и дорогое авто начинает свой путь, мягко покачивая нас в своём трюме, как огромный корабль на волнах.

– Мне очень лестно ваше предложение, – начинаю я. – Но поймите, есть определённые правила, протоколы. Я просто физически не смогу быть матерью для вашего ребёнка! Для этого существуют определённые процедуры, понимаете?

Я разворачиваюсь к нему лицом и начинаю объяснять на пальцах то, что объясняла уже сотни раз нашим дорогим и именитым пацинетам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.